

CARTIER POPULAR

Виктория АКИМОВА-КРУДУ

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПОБЕГА

Виктория АКИМОВА-КРУДУ родилась в Кишиневе (Республика Молдова). В 1992 году окончила факультет журналистики Молдавского государственного университета.

Работала в различных проектах в качестве PR-менеджера, кино- и театрального продюсера. В настоящее время является продюсером программ на телеканале PUBLIKA TV (Кишинев).

Переводы с румынского:

Георге Истрати, поэма *Прерванный человек*;

Думитру Круду, пьеса *Выборы Александру Суццо*, журнал *Мосты* (Германия), 2010;

Арон Гаал, сборник стихотворений *Разорванные слова*, журнал *Футурум АРТ*, 2011.

CARTIER POPULAR

Виктория АКИМОВА-КРУДУ

Инструкция для побега

Антология современной
румынской поэзии

CARTIER

CARTIER

Editura Cartier, SRL, str. București, nr. 68, Chișinău, MD2012.
Tel./fax: 022 24 05 87, tel.: 022 24 01 95. E-mail: cartier@cartier.md
Editura Codex 2000, SRL, Strada Toamnei, nr. 24, sectorul 2, București.
Tel./fax: 210 80 51. E-mail: romania@cartier.md
Cartier & Roman LLC, Fort Lauderdale, SUA. E-mail: usa@cartier.md
Suport juridic: Efrim, Roșca și Asociații
www.cartier.md

*Cărțile CARTIER pot fi procurate în toate librăriile bune din România și Republica Moldova.
Cartier eBooks pot fi procurate pe iBooks, Barnes & Noble și pe www.cartier.md*

LIBRĂRIILE CARTIER

Librăria din Centru, bd. Ștefan cel Mare, nr. 126, Chișinău. Tel./fax: 022 21 42 03.
E-mail: librariadincentru@cartier.md
Librăria din Hol, str. București, nr. 68, Chișinău. Tel.: 022 24 10 00.
E-mail: librariadinhol@cartier.md

Comenzi CARTEA PRIN POȘTĂ

CODEX 2000, Str. Toamnei, nr. 24, sectorul 2, 020712 București, România
Tel./fax: (021) 210.80.51
E-mail: romania@cartier.md
www.cartier.md

Taxele poștale sunt suportate de editură. Plata se face prin ramburs, la primirea coletului.

Colecția *Cartier popular* este coordonată de Gheorghe Erizanu

Editor: Gheorghe Erizanu

Lector: Svetlana Rudenco

Coperta: Vitalie Coroban

Design/tehoredactare: Tatiana Cunup, Marina Darii, Mircea Cojocaru

Prepress: Editura Cartier

Tipărită la Bons Offices

Victoria Akimova-Crudu

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПОБЕГА.

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУМЫНСКОЙ ПОЭЗИИ

Ediția I, iunie 2015

© 2015, Editura Cartier pentru prezenta ediție. Toate drepturile rezervate.

Cărțile Cartier sunt disponibile în limita stocului și a bunului de difuzare.

Aprobat de Comisia de selecție pentru editarea cărții naționale și editat cu contribuția Ministerului Culturii.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Инструкция для побегa: Антология современной румынской поэзии/сост.: Виктория Акимова-Крудy;

cop.: Vitalie Coroban. – Chișinău: Cartier, 2015 (Типogr. „Bons Offices”). – 208 p. –

(Colecția „Cartier Popular”/coord.: Gheorghe Erizanu, ISBN 978-9975-79-891-4).

400 ex.

ISBN 978-9975-86-019-2.

821.135.1-1-82=161.1

И 72

Вместо предисловия

Эта антология появилась благодаря небольшому румынскому городу, а вернее, ежегодному поэтическому фестивалю, который проходит в этом городе. Город называется Бистрица, фестиваль соответственно: «Поэзия живет в Бистрице». Фестиваль этот особенный. Потому что люди сюда приезжают не для того, чтобы решить свои литературные дела: найти новое издательство, встретить переводчиков или заключить контракт. Люди сюда приезжают за любовью. К музыке, к поэзии и, похоже, самое главное, за любовью друг к другу, что, согласитесь, явление не такое уж и частое.

Так вот. Антология появилась благодаря Бистрице. В-первых, потому что почти половину авторов, которые включены в антологию, я впервые услышала на этом фестивале. Ну и, во-вторых, потому что авторы эти мне так понравились, что захотелось с кем-то поделиться. Поэтому книга получилась субъективной. Здесь есть поэты, которые «обласканы» критикой и имеют за плечами солидные премии и награды. И есть авторы, которые только начинают свою литературную жизнь. Здесь есть те, для кого поэзия – основное дело их жизни. И есть те, кто хорошо известен как прозаик, литературный критик или журналист, и для кого поэзия, что называется, занятие «в свободное от работы время». Но объединяет их всех одно: эти поэты умеют совершенно посвоему, очень индивидуально говорить о том, что каждый

из нас чувствует, но не каждый умеет облекать в слова. И мысль о том, что поэзия лучше всех учебников self help, как раз и находит свое доказательство в этом сборнике.

Если говорить о литературном значении антологии, то в первую очередь надо отметить, что это первое подобное издание на русском языке, появившееся после исчезновения СССР и изданное на территории Молдовы. Второй немаловажный момент – в антологии собраны поэты трех поколений. К слову сказать, они так и расставлены в сборнике – по возрасту, от самого молодого до самого зрелого (младшему Штефану Багиу – 23 года, старшему Думитру Круду – 47). Авторы разделяет почти 20 лет. Но вряд ли это чувствуется в стихотворениях. И я сейчас не о мастерстве письма и отточенности слога. Я сейчас про способ восприятия мира. И про то, как сложно жить думающему человеку.

Виктория АКимова-Круду

Штефан БАГИУ

поэт, литературный критик

Родился в 1992 году в Клуж-Напоке (Румыния). Окончил румыно-французское отделение филологического факультета Университета *Babes-Bolyai* в Клуж-Напоке.

Как поэт дебютировал в журнале *Familia* (Орадя, Румыния). В 2013 году опубликовал первый поэтический сборник *К югу, в Лэчены*. Книга удостоена премии Союза писателей Румынии в номинации «Дебют» (2014), Национальной литературной премии имени Михая Еминеску в номинации «Дебют» (2014), премии «Молодой поэт года» (Бухарест, 2014), премии еженедельника *Observator Cultural* (Бухарест, 2014). В 2014 году *К югу, в Лэчены* принимала участие в Международной книжной ярмарке в Лейпциге.

Поэзия Штефана Багиу представлена в антологии *Contemporary Romanian Writers* (2014). Отрывки его произведений переведены на немецкий, французский, английский языки.

В настоящее время ведет литературную хронику в журнале *Cultura* (Бухарест) и сотрудничает с изданиями *Familia*, *Steaua*, *Tribuna*.

Руководитель литературного объединения *Внук Торо* (Клуж-Напока).

Поэма про канал

В конце концов, жизнь терпима,
как в кинофильмах Жака Мейлота,
в которых я наивно жил.
И бился
за любовь персонажей *in limbo*
мечтал, что все закончится иначе. Сегодня
бродил по улицам в поисках места,
где не знал бы никого,
чтобы легче завязать разговор. И не нашел.
В холле кинотеатра мне предложили
затянуться травкой.
Счастливый, я вернулся домой, выблевал
и остался прибитым к стене. Тогда
и зазвучала с террасы
медленная мелодия,
избавившая от желания
прогуляться по каналу,
черному, обрывистому, холодному, с террасой-понтонном
у санатория, откуда и доносилась эта жестокая музыка.
Нечего спасать в бледном свете улиц,
в долгом и спокойном одиночестве,
поэзия, фильмы, тонны бездарной поэзии,
в скромно освещенной комнате,
для одного пустякового воспоминания,
незначительного для каждодневной жизни.

Я увидел себя в *Tare*,
где не вылезал из комнаты целыми днями,
пытаясь понять экзистенциальную катастрофу
персонажей, запертых внутри гостиничного номера.
Так и не понял.
Не нашел ничего впечатляющего
и в нескончаемых сонетах американских поэтов,
ненужной *il métier di vivre*.
«Оставь, Штефан, ты и так хорошо развлекся!»,
единственное, что было настоящим,
подростки на пляже той ночью,
казавшиеся беззаботными из-за алкоголя.
Во власти каннабиса,
под лазерами, вырисовывающими круги на лицах
возбужденных девочек,
ритмических движений и запаха холодного пота,
на миг показалось, что я счастлив, и заворочен,
надрывно танцую с забывшими обо всем людьми,
под небом, невидимым из-за дыма.
Здесь мне нравилось думать, что на Западе
существуют другие печали, порожденные одиночеством
и депрессией, как показывает текущая статистика,
в Швеции растет число самоубийц
в период перехода на шестое время года.
В Гётеборге, на высоких мостиках для паромов,
идеальных для полнотражного зимовья,
наши лица были бы вымыты похмельем. В Гётеборге
на высоких мостиках для паромов,
под электро, мы стали бы чужими
в музыке аэропортов
и счастливыми в медлительности режиссуры.

Там, полные надежд и ностальгии,
не чувствовали бы себя случайным развлечением.
Мостики больших пароходов
движутся в режиссерской медлительности,
это – холодный и северный сценарий,
морозный воздух очищает мысли.
Снова,
надежда находит место в хрупком сознании наблюдающих.
Снова, с чувством уверенности
мы будем целовать друг друга в губы.
За окнами машин пробегают нерасшифрованными сады.
Прогулки по берегу канала Gota
и неспешная любовь в шведском пансионе.
Голландия, Голландия, поездка на велосипеде,
марихуана, выкуренная в Схевенингене, разум,
как нелепый вихрь, потерявшийся на мгновение
чувства в музыке аэропортов.
Так я представляю,
так я представляю одиночество.

К югу, в Лэчены

Я слушал лес электро,
рейв в минус 20, в последнем спальном
мешке. Бессонница для тех, кому повезло,
экстази для тех, чья лимфатическая система
изрешечена адреналином,
осевая близорукость,

фоторефрактивная кератэктомия
и гипноз для идиотов электро,
запустивших порно машину
в Лэченах.

Там, нюхая, содрогаются
худенькие студенты Эразмуса,
продырявившие уши любимой,
только так туда помещается
деревянная, коническая *flash-ка*,
набившие тату
на горле любимой,
«*this is it!*» –

дырка в ухе твоей девушки,
flash-ка порнографической любви между подростками,
возбужденные груди, покрытые черно-белыми
японскими цветами: там написано Габи.

Прогресс заметен лишь на закате ночи
в опустевших павилионах, в электрических лесах.
Кислота по-хозяйски овладевает платанами,
сочиняет последнюю мелодию,
под которую еще можно танцевать,
а я остаюсь успокоенный до утра в клубе *Goa*,
стакан водки безостановочно вибрирует на колонке.

Нас восемь десятков,
в тесноте прижавшихся с ненавистью друг к другу,
ритмы барабанов и ночное эхо
превращают меня в тяжело дышащего,
болезненного и уставшего.

Посмотри на меня сейчас, издалека, на костылях,
примеряю новый нервный тик, к которому привыкну,
и вечером, когда все станет таким, как есть,

смогу забыться в модных фобиях:
потому что время, потерянное мной
(даже если и буду говорить кашляя,
что не жалею ни о чем)
даже оно не было моим.
Все возвращается в норму
когда перед глазами проходят
проколотые неонами и ледами рекламных панно,
такие же случайные объявления,
они успокаивают меня,
«да, это мир, к которому я привык».

Не будем вспоминать

Я не могу
дышать свободно в этой узкой комнате,
успокаиваюсь, наблюдая за пневматическим движением
пластикового аппарата.
Трудно быть здоровым,
похоже, это проблема ближайших дней,
впрочем, не драматизирую ситуацию,
мелочи забудутся, как только все придет в норму,
мечтая о простых вещах, доступных каждому,
вибрирую
как дурак от Шумана и электро,
хотя нужно оставаться ясным и прозрачным,
не потому, что не здоров,
просто не могу быть в тягость, как те гуляющие

халаты, спускающиеся по больничному двору,
желания которых – лишь сытая еда,
они крестятся и дремлют на скамейках под каштанами.
Я не скажу, что болен,
но мне становится лучше даже от небольшого участия,
чья-то забота обнадеживает, как тогда,
когда сняли пропитанные геты Marelbo
и смеялись над запахом ног,
тогда,
когда слышали из холла
как двое в трусах играют в футбол баночкой колы,
высокие, худые, с красными глазами и
вниманием, обращенным на них,
ничего не создадим нового и никогда не спасемся.
Иногда мы теряемся при виде странных поступков людей,
потому что в голову не может прийти, что кто-то
способен их совершить,
она изогнулась, достала руками до пола и сделала мостик,
убедилась, что все заметили, а я удивился ее улыбке,
сказав: «conditions of survival!»
и уронил очки на пол,
затем схватила лук и проглотила за три минуты,
чуть ли не давясь им, она была из Сербии
и рассказала, что ее детство было не слишком радостным,
«у нас в Сербии мучаются с детством», а сейчас,
покрутившись несколько дней по Бухаресту,
как вокруг кучи цемента, который нужно замесить ногами,
сказала что гуляет только босиком, не заходит,
но часами стоит перед витринами и смотрит,
а когда чувствует невыносимую усталость,
садится на тротуар и рычит.

Пока я раздумываю
как проще объяснить,
что я не так уж и болен,
перформанс бывает таким,
женщины пасутся на траве в условиях творческого ателье,
или на Святую Анну обращают слова в христианство
ножами, зажатыми в руке
на Красном озере или на озере Bela Crkva,
«почему бы не поиграть в фрисби инфицированными
шприцами» –
говорю, «станем серопозитивными от невнимания»,
и прекратим обманывать себя, что мы в чем-то уверены.
«мы в Сербии мучаемся»,
я не могу дышать свободно в этой узкой комнате,
в ожидании настоящей жизни или
чего-то
похожего на нее.

Среди танцующей толпы

«Какие беспорядочные мысли у тебя!», – думаю,
потягивают чай, их солнцезащитные очки
черные на террасе у Гэтсби,
ритмично покачивают свешивающейся ножкой.
Потом прогуливаются по стене старой крепости,
позируют фотографу-любителю Сержиу,
который снял их так аппетитно
с пальцем у нижней губы,

сжимавших как дурочки в объятиях
каждая по цветочному горшку из публичного парка.
Да, познакомились с искусством фотографии,
хотя сам Сержиу получил удовольствие после,
наедине с собой,
рядом с книгами и открытым окном,
блаженствуя с диафрагмой.
Я увидел женщин в девочках средней школы,
которым хотелось выглядеть взрослее,
на каблуках и с декольте,
под которым еще ничего не приобрело форму,
но приобретет, пройдя через ваннные комнаты домашних
вечеринок.
Сквозь окно балкона будет тарашиться
мальчик одиннадцати лет, запертый как в сценах насилия,
на руки, которые сжимали грудь
и ноги, сотрясавшиеся
в неестественных для тела позах.
Ночью приснятся одноклассницы одиннадцати лет,
напомнят единственную женщину,
которая занималась любовью на стиральной машине,
да, напомнят Петру,
которая кружит вокруг меня словно
я – следующий в очереди, тяжелые поцелуи,
неприятный запах слюны, непереносимый для меня,
хотя сам его и спровоцировал после многих лет
сигарет с оранжевым фильтром,
могу раздеть тебя мгновенно,
сжимая твой подбородок
как в фильмах, которые смотрел,

а ты останешься пассивной
и удивленной, «бери меня!».
Вспомню о тебе
среди одиннадцатилетних девочек,
фотографические мысли завоют к концу мастурбации
и взломают тишину, ничего не делая более страшным,
чем мысль, что это – чистая смерть, для юноши
слишком неопытного, чтобы понимать
дикость Animal Planet,
фотографии косовской бойни,
порно изображения женщин,
желаемых большинством планеты.
«Я не смотрю телевизор!»,
не лги, Петра, ты слишком опытна,
чтобы не знать деталей некоторых сцен, плохо
срежиссированных американскими киностудиями,
там женщины берут в руки член, только
чтобы затащить в постель.
Не лги, Петра, ты знакома с техникой,
слишком переигрываешь, чтобы это было правдой,
словно экспериментируешь с естественными вещами,
ты придумала свою любовную философию,
прижаться друг к другу после,
ты внушила мне это,
закрывая глаза, оказываюсь в Трабзоне,
среди восточных трав
и животных с большими ртами, ползающих среди камней,
наша комната превращается в сауну,
когда ты кусаешь меня и покрываешься испариной.
Вижу тебя, Петра.
Вижу тебя среди танцующей толпы,

ты вся – ожидание, среди толпы, которая танцует,
ты вся только в Zaga,
с отвращением отталкиваешь тех, кто
прижимается к тебе спиной, вижу тебя среди
танцующей толпы и знаю, как ты умеешь двигать
ягодицами,
доводя до настоящего гормонального фиаско юношей,
еще не познавших твоей сексуальности,
желающих тебя ради тайны, скрытой под
Zaga, в Tonique,
где еще в моде калейдоскоп,
неловкая атмосфера 70-х,
отвлекающая ненадолго от глупых желаний,
прогулок по лесу или по краю плотины,
где вроде бы мы и не думаем
броситься вниз. Нет, вижу тебя
среди танцующей толпы, и
ты мне нравишься.
Твое разочарование будет безграничным
в одиноком такси по дороге домой,
испытывая страх перед физическим насилием, ты его
не признаешь,
когда сидим со всеми за столом, ты делаешь вид,
что этого никогда с тобой не случится, но спроси
бедняжку,
была изнасилована тремя таксистами в лесу, в Козла,
откуда видна панорама города,
со всеми зажженными в окнах огнями
и машинами на дороге к Бакэу.
Мы ужаснулись,
и опустили глаза, мы ужаснулись

и больше не говорили об этом,
и я не рассказал про нее,
на новый год пригласила в гости трех юношей,
посвящая себя лишь одному из них,
тому, кто привел друзей.
Вижу тебя среди танцующей толпы,
слишком рано говорить о том, что случится через
несколько лет,
но ты идешь домой по берегу Куежды, мечтая
каждый день о чем-то другом.

Ион БУЗУ

ПОЭТ

Родился в 1990 году в селе Ратуш, Республика Молдова.

В 2013 году заочно окончил факультет маркетинга и логистики Экономической академии РМ. Свободное от учебы время посвящал чтению, написанию текстов, прогулкам по городу.

Принимал участие в литературных объединениях *Senaclu Vlad Ioviță* (координатор Думитру Круду) и *Republica* (координатор Мони Стэнилэ).

В 2013 году дебютировал книгой стихов *3 мл конфидора*, изданной Casa de Papiuri Literare в Бухаресте.

В 2014 году вместе с другими поэтами основал литературный журнал *Лолита*.

Среди прочего работал интервьюером, копирайтером, продавцом в киоске, тестировал софты.

Едет трактор Е 82.5

В это воскресенье беру книги одну за другой,
открываю и вскоре
с раздражением отбрасываю,
как заевшее оружие
в момент, когда в меня целится враг
оружием более мощным.
Моим волосам уже год, пришло время избавиться от них.
Позвонил Ион, сказал, что стоит
сделать из меня космическую обезьянку,
или космическую собаку,
подстричь под Лайку
и снова отправить в космос.
На следующий день сажали картошку –
приехал белорусский трактор Т 82.5,
никто из присутствующих никогда не видел ничего
подобного –
трактор, который сам сажает картошку,
мы подходим к нему с опаской,
женщины боятся взобраться на него, туда, откуда нужно
бросать клубни
вовнутрь туба,
поднимают панику, берут в руки сапы,
говорят, что лучше сажать своими руками,
слишком опасен этот трактор,

никто не знает, каких сюрпризов от него ожидать,
он из будущего,
трактор похож на монстра Франкенштейна,
прикасаемся и, испугавшись, убегаем.
Ночью я вышел на улицу, пытаюсь найти место
потемнее,
где легче было бы нарваться на неприятности,
следить за подозрительными типами,
которые затащили бы меня куда-нибудь и избили,
чувствовал потребность в разрушении,
хотел избавиться от своего я, старого и исыякшего.
Начался дождь,
в новостях сказали, что тучи пришли с радиоактивной
Фукусимы,
капли падали на мою свежевystриженную макушку,
я стал смеяться,
у врага действительно оружие мощнее моего,
у меня нет шансов.

3 мл конфидора

Андруша и я опрыскиваем картошку.
У каждого за спиной специальный аппарат.
На нашей картошке колорадские жуки
сформировали целые колонии,
как будто открыли новую планету,
или новую форму существования, где нет
агонии, капканов и абсурда.

Опрыскиваем усики картошки 3 мл конфидора,
разведенного 10 литрами воды,
скоро жуки начнут падать, один за другим,
три часа, и им станет худо –
они не умеют блевать, если им плохо, – и сразу умрут.
По спине Андруши и по моей течет отравы,
несчастные аппараты протекают.
«Слышь, Андруша, тебе не приходило в голову,
что там наверху кто-то пытается нас истребить,
примерно так же, как мы – колорадских жуков,
обрызгивает нас какой-то отравой,
не обязательно конфидором,
но с долгосрочным эффектом,
чтобы не погибли мгновенно, а просто стало очень худо,
и у него тоже протекает аппарат,
и у него тоже по спине течет яд».

Сизиф и горячая шатенка

В десятом классе я положил глаз на одноклассницу,
у нее были каштановые волосы и фантастическая фигура,
она звала к себе каждый четверг заниматься математикой,
тогда мы проходили логарифмы и уравнения,

и когда подсчитывали
область приемлемого значения для экспоненциальных
уравнений,

я пялился на ее ноги,
согнутые под подбородком.

Когда мы заканчивали с математикой, она
выходила в другую комнату, снимала юбку,
надевала брюки,
чтобы проводить меня до дома,
мама не разрешала ей ходить по селу
в той юбке,
однажды я подсматривал за ней
и увидел ее абсолютно волшебные ноги.

Потом я узнал, что у нее кто-то есть,
на меня навалились кашель и хрип,
ночью мне казалось, что я умираю,
как тот мужик из шинели гоголя.

Тогда я взял в сарае лопату
и отправился в поле,
чтобы выкопать яму,
просто так,
абсурдная работа, как гора Сизифа
(тогда я увлекался
компашкой экзистенциалистов,
но в сущности, не верил ни одному из них,
все трахались как ненормальные
с подружками, симулировавшими миниатюрный
интеллектуализм,
не считая кьеркегора и ницше)

Я огляделся, вокруг было только поле, и никакого
шанса для горы,

бросая землю лопатой,
пытался больше не думать про уравнения
и ее волшебные ноги.

Мне надо было еще работать на картошке и к вечеру
я слишком устал, чтобы изображать из себя героя абсурда.
Примерно через три месяца я вернулся к своей яме

и обнаружил, что ее используют как туалет,
накакали люди на всю мою историю с горячей шатенкой,
«идиоты – подумал я – надо было
сделать это первым!»

Нервно переступая с ноги на ногу

Тогда, когда искал тебя глазами среди комнат,
заметил, ты была в зеленом, выходящей,
я заговорил о холодной войне и Горбачеве,
нервно переступая с ноги на ногу,
о вещах, о которых даже отдаленно не имел представления,
только чтобы ты осталась еще на 4 минуты,
и пробовал делать выводы с умным видом,
не получилось, говорил бессмысленно,
ты ушла с порхающими волосами,
думая, возможно, «никогда не понимала этого типа»,
я еще переминался с ноги на ногу,
надеясь найти хоть что-то умное в холодной войне,
с помощью которой хотел тебя чуть-чуть задержать.

Human nature app version 3.0

Мне поручили тестировать приложения к iPhone,
которые разрабатывает наша фирма.
Джим Жу, мой шеф, хлопнул меня по плечу.
Я проработал целый год и никто ни разу не хлопал
меня ни по плечу, ни по другой части тела.
Сегодня я перебрался в новый офис, ближе к Джим Жу.
Тестирую, тестирую – как преданный работник.
Нахожу ошибки, переделываю, выискиваю паттерны.
«Бэй, Джим, ошибки не имеют паттерна!» – говорю шефу.
«Тогда вытащи все одновременно наружу!».
Ах, Джим Жу, шеф мой азиато-американский, за 40,
двое детей,
русская жена,
замечаю несколько седых волос и думаю над ошибками
в приложениях,
появляются и исчезают, безо всякой логики, как мушки,
которые кружатся над гнильем,
громоздись тучей над дохлятиной, чтобы скорее
закончить свое дело.
Я вспомнил, как полон сапой сорники, выросшие в
трещинах
бетона.
Тестирую, тестирую – сколько еще выдержу?
Сапа, сорняк, бетон –
мой мозг, из которого выпрыгивают камушки.
Ах, Джим Жу, снова бьет меня по плечу,
предлагаешь человечеству приложения, полные ошибок,
которые я не могу найти,
ошибки собираются в какой-то функции как

икринки, карауля.

Тестирую, тестирую – приложение human nature version 3.0 отключается слишком быстро, потому что ошибки появляются и исчезают, случайные, как фантомы, или пули, выпущенные во второй мировой, и только сейчас попадающие в кого-то случайно.

А в графе «причина» было пусто

Если бы ты училась в католической школе, я бы растянулся на кровати с телефоном в руке, и поцапался бы со всеми твоими любимыми попами, которые поучают, что и как делать, включая это.

Но ты не католичка, ты не веришь, и мне не с кем свести счеты, сходишь с ума от ерунды, сгоряча мне хочется грохнуть Чорана об пол с таким же презрением, с каким неолиберал швырнул бы тома марксистской поэзии.

Память – сепаратистская группировка, которая пытается нейтрализовать остатки сознания: «Разрушим к черту это государство!»

Зимой, когда я пригласил тебя в то дорогое кафе, Petite Cafe, я спросил, почему ты не хочешь быть вместе, и чувствовал себя как мой бывший шеф, который пару дней назад

позвал меня на чашку кофе
и предложил остаться у него,
сказав, что не хочет меня терять надолго,
мы оба смотрели в окно на целующуюся пару,
а потом разошлись в разные стороны.

В конце марта пришло письмо из налоговой,
и я, который считал, что мне всегда улыбается удача,
а деньги берутся буквально из ниоткуда,
должен был государству 1082 лея.
Я зашел на свой счет в Налоговой и увидел решение:
«НГ Криулян ПОСТАНОВИЛА вернуть переплату налога
в размере 0,00 лей».
А в графе «причина» было пусто.
Я не спал до четырех,
пересчитывал и пересчитывал налоги и таксы,
надеясь найти ошибку,
пока мое сознание не смирилось,
и это был первый раз, когда я не думал о тебе.

Жалюзи

Моя новая работа состоит из написания
45 текстов, каждый по 300 слов,
пишу только про жалюзи, больше ни о чем, такой договор,
писать о том, о чем писать нечего,
примерно как начерпать 45 кружек воды из пустого ведра,
сначала нужно плюнуть, чтобы появилась жидкость,
а потом наплевать и все 45 кружек.
Мне платят 5 бануц за слово,

Джону Фанте платили по 1 центу за слово прозы
и 10 центов – стихотворения.
Я не пишу ни прозу, ни поэзию,
пишу про жалюзи, 45 текстов,
изучаю теорему бесполезности,
никто не будет читать эти тексты,
их разместят на сайте в удобном месте для поиска в гугле.
Я уже на 30-ом, и ведро опустело,
горло пересохло, плюю в кружку
и – пусто, я превратился в
машину по изготовлению текстов про жалюзи,
каждый стоимостью в 15 леев,
машину абсурда,
Камю и Чоран приятельски похлопали бы меня по плечу,
гордясь мною,
я усвоил теорему бесполезности.
Я написал про жалюзи, которые использовали философы,
для состояния зен из бамбука,
из дерева для состояния одичания,
из металла для состояния тюремного заключения;
игроки в покер онлайн используют жалюзи с
дистанционным управлением, потому что они ленивы,
слишком ленивы,
чтобы регулировать их собственной рукой,
как и поэты, которые напиваются, блюют, мычат и
выкрикивают
проклятия в небо,
никто не знает об этом, потому что жалюзи всегда
опущены.
Я написал про жалюзи, которые спасают от депрессии,
дозируют необходимое количество солнечного света,

проникающего
в комнату –
и депрессия улетучивается.
Я попробовал плюнуть еще раз в чашку и продолжить
писать.
Электрические жалюзи с пультом дают надежду людям-
инвалидам,
потому что теперь им не нужно просить кого-то поднять
их утром
и опустить вечером.
Я написал о водителях, использующих жалюзи на
окнах машин,
у офисных менеджеров только горизонтальные жалюзи,
сквозь которые
они шпионят за подчиненными,
воры испугаются перед домом, где есть автоматическая
система регулирования жалюзи,
а политики защищены от прицела снайпера
за надежными жалюзи,
потом я написал рассказ про человек, который упал
со стула
и сломал позвоночник, пытаясь вручную
отрегулировать жалюзи,
если бы он купил жалюзи с пультом, несчастья бы
не произошло.
За окном Анна, развешивая белье, смотрела
на меня с интересом,
заметив с какой регулярностью я плюю в кружку и пишу.
Я закончил фразой: *жалюзи – это часть нашей жизни.*
И опустил свои.
Анне больше не на что было смотреть.